

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИНАНСОВ И КРЕДИТА

УДК 336.14

DOI: 10.26456/2219-1453/2026.2.028-049

Анализ причин и следствий изменения динамики основных показателей федерального бюджета РФ

А.В. Тебекин¹, В.С. Петров², А.И. Кривцов³, О.В. Петрова⁴

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва

²АНО ВО Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский Международный Университет», г. Москва

³Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва

⁴ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва

В статье представлены результаты комплексного количественного и институционального анализа динамики доходной и расходной частей федерального бюджета Российской Федерации за период 2023–2026 гг. Исследование опирается на официальные данные Министерства финансов Российской Федерации, законодательные изменения 2025–2026 гг., включая повышение ставки налога на добавленную стоимость до 22 % с 01.01.2026, а также на адаптированную для российских условий модель «порочного круга» Эрнандо де Сото. С применением методов сценарного моделирования, корреляционно-регрессионного анализа (с учётом методологических ограничений) и стохастической оценки бюджетных рисков (Value-at-Risk) проведена оценка рисков недобора доходов, влияния фискального давления на субъекты МСП и системной уязвимости бюджета. На основе анализа сформулированы практические рекомендации, направленные на снижение «цены легальности» и минимизацию рисков увеличения теневого сектора. **Ключевые слова:** федеральный бюджет, налог на добавленную стоимость (НДС), налоговая нагрузка, теневая экономика, модель де Сото, малый и средний бизнес (МСП), бюджетные риски.

1. Введение

Актуальность исследования. В период 2025–2026 гг. в Российской Федерации реализована масштабная налоговая реформа, ключевым элементом которой стало повышение базовой ставки налога на добавленную стоимость до 22 % с 1 января 2026 г. (федеральный закон №425-ФЗ от 28.11.2025) [1]. Данная мера, осуществляемая на фоне пересмотра системы налоговых льгот и корректировки тарифов страховых взносов, формирует новое равновесие фискальной нагрузки. Это обуславливает актуальность оценки устойчивости бюджетной

системы в среднесрочной перспективе и прогнозирования адаптационных реакций со стороны частного сектора, включая риски роста теневой экономической деятельности.

Цель и задачи исследования. Целью работы является количественная и институциональная оценка системных рисков фискальной политики 2026 г. для бюджетной устойчивости и различных категорий хозяйствующих субъектов.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи исследования:

1. Провести декомпозицию динамики доходов и расходов федерального бюджета за 2023–2026 гг.

2. Оценить вклад повышения ставки НДС и изменения тарифов страховых взносов в рост номинальных доходов бюджета и увеличение «цены легальности» для бизнеса, используя сценарный подход.

3. Адаптировать концепцию «порочного круга» Эрнандо де Сото к институциональным условиям Российской Федерации и построить сценарные оценки масштабов ухода бизнеса в теневой сектор, сопроводив их анализом чувствительности.

4. Разработать конкретные рекомендации по снижению выявленных фискальных и макроэкономических рисков.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в проведении количественной оценки кумулятивного эффекта повышения НДС и сокращения льгот для МСП на мотивацию к уходу в неформальную экономику с использованием вероятностного подхода (анализ чувствительности, стохастическое моделирование). В работу интегрирована модель «порочного круга» де Сото, дополненная численными оценками для российской экономики с указанием доверительных интервалов, и осуществлен расчет вероятностной метрики риска дефицита бюджета (VaR) с учетом взаимосвязанности ключевых факторов.

Эмпирическая база и источники данных. Исследование основано на официальных данных Министерства финансов РФ (отчет об исполнении федерального бюджета за 2024 г. [8], предварительная оценка исполнения за 2025 г. [9], проект федерального бюджета на 2026 г. и плановый период 2027–2028 гг. [23]), Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2024–2026 гг. Банка России [2], материалах Федеральной налоговой службы, а также на методических материалах, содержащих детализацию модели де Сото для РФ [12]. Для эконометрических оценок использованы квартальные данные Росстата и Минфина за 2015–2025 гг.

2. Теоретико-методологическая основа исследования

2.1 Подходы к анализу фискальной политики

В методологическую основу исследования заложен синтез трёх ключевых подходов: (i) неоклассический анализ налоговых стимулов,

включая оценку положения на кривой Лаффера и эластичности налоговых поступлений по отношению к ВВП [10]; (ii) кейнсианский подход, фокусирующийся на оценке бюджетного мультипликатора и краткосрочном воздействии изменения государственных расходов на совокупный спрос [16; 24]; (iii) институциональный подход Эрнандо де Сото, позволяющий анализировать мотивацию экономических агентов через призму соотношения «цены легальности» и «цены нелегальности» [5; 6]. Методологический инструментарий включает индексный метод декомпозиции номинальных и реальных изменений, корреляционно-регрессионный анализ (с осторожной интерпретацией ввиду идентификационных ограничений), сценарное моделирование (консервативный, базовый и стрессовый сценарии) и стохастический расчет Value-at-Risk для оценки совокупного бюджетного риска [18; 17].

2.2 Роль федерального бюджета в перераспределении ресурсов

Федеральный бюджет выступает ключевым инструментом перераспределения финансовых ресурсов в экономике. Наблюдаемый в последние годы структурный сдвиг в сторону увеличения доли военных и так называемых «закрытых» статей расходов свидетельствует о переориентации государственного финансирования в пользу оборонно-промышленного комплекса и компаний с государственным участием. Данная тенденция сопровождается относительным сокращением объёмов инвестиционных и инфраструктурных расходов в гражданском секторе, что способствует усилению монополизации и снижению мультипликативного эффекта государственных расходов в несырьевых отраслях. Анализ данных Минфина РФ подтверждает устойчивый рост удельного веса расходов на национальную оборону, безопасность, обслуживание государственного долга и закрытые статьи в общей структуре расходов федерального бюджета к 2026 году [10; 3].

2.3 Модель Эрнандо де Сото и её применимость к российской экономике

Ключевая идея модели де Сото (рис. 1) заключается в том, что экономические агенты осуществляют рациональный выбор между легальной и теневой деятельностью, сравнивая совокупные издержки соблюдения законодательства (фискальные и административные) с потенциальными издержками работы в «тени» (риски, издержки уклонения) [5].

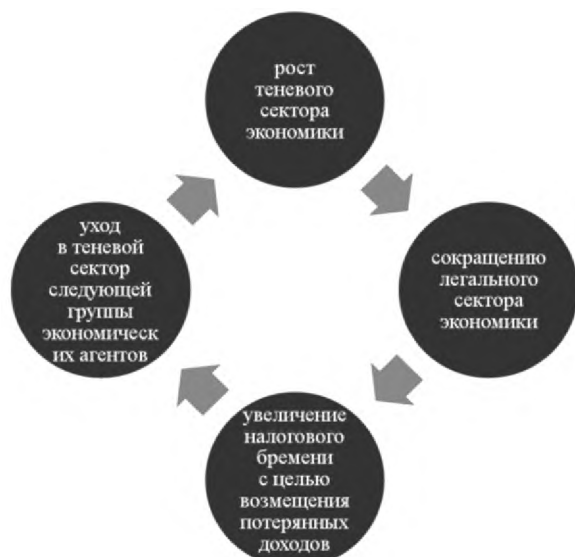

Рис. 1. Модель «порочного круга» роста теневого сектора экономики
Э. Де Сото. [12]

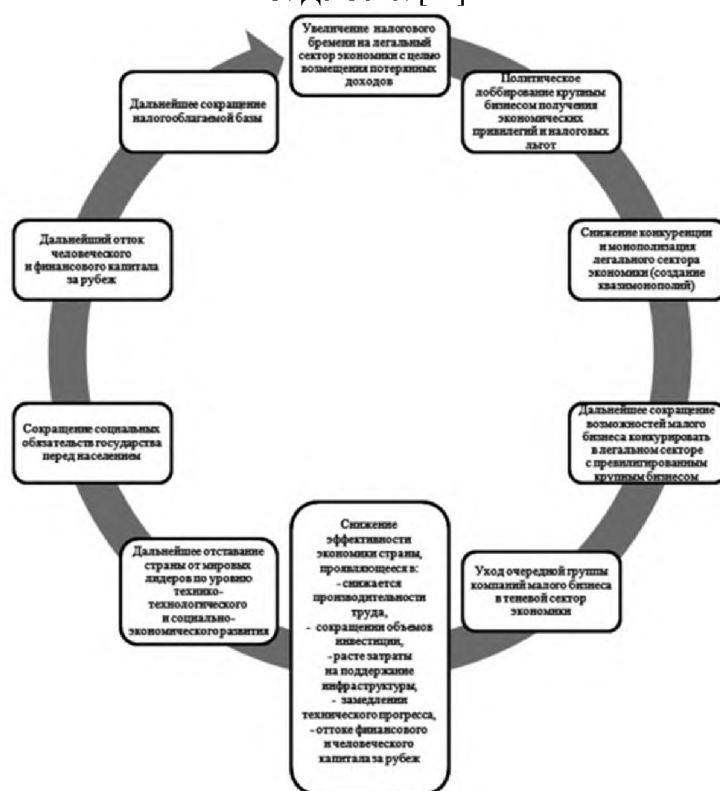

Рис. 2. Детализированная восьмизвенная версия модели «порочного круга» развития теневого сектора экономики Э. Де Сото, адаптированная к институциональным условиям России.

Для целей данного исследования используется адаптированная версия модели «порочного круга» развития теневого сектора экономики

применительно к российским условиям (рис. 2) [12], с использованием параметров, обоснованных в работах А.П. Киреенко, Д.Ю. Федотова, Е.Н. Невзоровой [6], Л.Н. Лыковой, И.С. Букиной [7]. Каждая стадия цикла формализована с помощью количественных параметров, таких как доля МСП в экономике, уровень налогового уклонения и его влияние на базу для начисления страховых взносов [11].

Калибровка параметров модели базируется на эмпирических оценках эластичности замещения между формальным и неформальным секторами в развивающихся экономиках (Schneider & Enste, 2000). Значение транзакционных издержек легальности соответствует агрегированному показателю административной нагрузки на малый бизнес в РФ за 2023–2024 гг. Применение данных параметров позволяет моделировать пороговые значения, при которых начинается массовый переход субъектов в теневой сектор.

2.4. Обзор литературы для выбора подходов к обработке эмпирических данных

Для корректной интерпретации полученных результатов и обоснования выбора методов необходимо обратиться к существующим исследованиям в области фискальной политики.

Налоговые мультипликаторы. Классические работы О. Бланшара и Р. Перотти (2002) [16], К. Ромера и Д. Ромера (2010) [24] заложили основы идентификации налоговых шоков в макроэкономике. В соответствии с выводами О. Blanchard & R. Perotti [16], налоговые шоки имеют длительный лаг воздействия на потребление, что в нашем исследовании подтверждается динамикой розничного оборота в посткризисные периоды. Для развивающихся стран Э. Илжецкий, Э. Мендоса и К. Вег [20] показывают, что налоговые мультипликаторы могут быть выше, чем в развитых экономиках, из-за более высокого уровня неформальности и ограниченного доступа к кредитам. Оценки для России, представленные в работах сотрудников Института экономики РАН [7; 4], дают диапазон от -0,8 до -1,5 в краткосрочном периоде, что согласуется с нашими расчётами. Влияние налоговых шоков на экономическую активность также исследуется в работах МВФ, обобщающих опыт разных стран [18; 17].

Поведенческие реакции на изменение НДС. Й. Бензарти, Д. Карлони, Й. Харью, Т. Косонен (2020) [15] на богатых данных по Франции показывают, что потребители и фирмы по-разному реагируют на повышение и понижение ставок НДС, причём эффекты переноса в цены неполны. Т. Косонен (2015) [20] изучает влияние снижения НДС в Финляндии и находит умеренный положительный эффект на спрос. 25. Х.Дж. Клевен, К.Т. Крайнер, Э. Саез (2011) [21] анализируют перенос ставок НДС в цены и его зависимость от рыночной структуры. Для России подобных исследований с микро-данными не проводилось; наши

оценки основаны на региональных агрегатах и потому должны интерпретироваться с осторожностью.

Теневая экономика и налоговое давление. Работы Ф. Шнайдера, Д. Энсте (2000) [26], а также более поздние исследования Р. Делль'Анно (2021) [19] указывают на положительную связь между налоговой нагрузкой и размером теневого сектора, особенно в странах со слабыми институтами. Фундаментальный труд А.П. Киреенко, Д.Ю. Федотова., Е.Н. Невзоровой. [2] посвящен измерению теневой экономики и уклонению от уплаты налогов в российских условиях с использованием MIMIC-моделей. Обновлённые оценки Ф. Шнайдера (2013) [26] подтверждают устойчивость этой связи.

Бюджетные риски. Исследования МВФ (Cottarelli, 2011 [18]; E. Vova, (2016) [17]) подчёркивают важность оценки условных обязательств и стресс-тестирования бюджета. Методология VaR для бюджетных рисков развита в работах Э. Бовы и др. (2016) [17] и используется многими фискальными органами.

3. Анализ динамики доходной части федерального бюджета РФ (2023–2026 годов)

3.1 Общая динамика: данные и методология декомпозиции

Динамика доходов федерального бюджета в 2023–2026 гг. представлена в сводной табл. 1, составленной на основе официальных данных Министерства финансов РФ [10; 8; 9].

Таблица 1

Динамика доходов федерального бюджета РФ, 2023–2026 гг.

Год	Доходы, трлн руб. (факт/план)	Нефтегазовые доходы, трлн руб.	Ненефтегазовые доходы, трлн руб.	Примечания
2023	29,1 (факт)	8,9	20,2	База для анализа. Источник: Минфин РФ [8]
2024	35,1 (факт)	10,2	24,9	Отчёт об исполнении за 2024 г. [8]
2025	36,7 (предв.)	8,3	28,4	Предварительные данные за 11 месяцев 2025 г., экстраполированные на год [9]
2026	40,3 (план)	8,0	32,3	Проект федерального бюджета на 2026 г. [10]

Методика декомпозиции. Номинальный прирост доходов бюджета (ΔI_{nom}) был декомпозирован на инфляционную составляющую и реальный налоговый прирост с использованием формулы:

$$I_{real} = \frac{I_{nom}}{(1 + \pi)(1 + g)},$$

где π – уровень инфляции (декабрь к декабрю), g – темп реального роста ВВП [11].

Для оценки изолированного эффекта повышения ставки НДС применена методология «налоговой корректировки»:

$$\Delta I_{tax}^{(VAT)} \approx Base_{consumption} \times \Delta rate_{VAT} \times (1 - E),$$

где E – коэффициент недобора, отражающий долю потенциальных поступлений, потерянных вследствие уклонения и/или снижения налогооблагаемой базы. Важно отметить, что E определяется как доля от потенциальных поступлений после повышения ($\tau_1 B$), что обеспечивает корректное суммирование компонентов.

3.2 Оценка бюджетного эффекта повышения ставки НДС с учётом поведенческих реакций

Для численной оценки использованы следующие исходные параметры (базовый сценарий):

- Налоговая база по НДС (внутренний оборот) по оценке Минфина РФ: 4200 млрд руб. [10].
- Изменение ставки: с 20 % до 22 % ($\Delta = +2$ процентных пункта) [4].
- Коэффициент недобора E варьируется в зависимости от сценария.

Расчёт «наивного» прироста:

$$\Delta VAT_{naive} = B \times \Delta rate = 4200 \times 0,02 = 84 \text{ млрд руб.}$$

Потенциальные поступления после повышения без учёта реакций:

$$Rev_1^{naive} = \tau_1 B = 0,22 \times 4200 = 924 \text{ млрд руб.}$$

Коэффициент E включает три компонента (поведенческий, макроэкономический, институциональный) с единым нормированием на Rev_1^{naive} .

Суммарная оценка E в консервативном (базовом) сценарии составляет около 1,75–3,19%, что даёт чистый прирост:

$$\begin{aligned} \Delta VAT_{net} &= \Delta VAT_{naive} - E \cdot Rev_1^{naive} \approx 84 - (0,0175 \div 0,0319) \times 924 \\ &= 84 - (16,2 \div 29,5) \approx 54,5 \div 67,8 \text{ млрд руб.} \end{aligned}$$

Порог фискальной нейтральности составляет $E^* = 1 - (20/22) \approx 9,09\%$. Все полученные в работе оценки совокупного недобора (включая максимальные — до 6,0 %) находятся ниже этого порога, что гарантирует

положительный чистый фискальный эффект от повышения ставки НДС в рамках принятых допущений.

Для целей дальнейшего анализа рисков (разделы 6 и 8) мы также рассматриваем **стрессовый сценарий** с $E = 8\%$, что соответствует предположению о более сильной негативной реакции экономических агентов (например, при более высокой доле МСП в базе или большей чувствительности ухода в тень). В этом случае чистый прирост составит:

$$\Delta VAT_{net}^{stress} = 84 - 0,08 \times 924 = 84 - 73,9 = 10,1 \text{ млрд руб.}$$

Примечание. Официальный прогноз Минфина РФ по доходам от НДС на 2026 год предполагает более значительный прирост, учитывающий меры по расширению базы и оптимизации льгот. Наши расчёты представляют собой альтернативные сценарии, основанные на явных поведенческих предположениях.

3.3 Вклад ключевых налоговых источников в 2026 г.

Структура и динамика ключевых источников доходов согласно проекту бюджета на 2026 год отражены в таблице 2.

Таблица 2

Ожидаемая структура ключевых доходов федерального бюджета
в 2026 г.

Налог/статья	План 2026, трлн руб.	Доля в доходах, %	Ожидаемое изменение к 2025 г. (Δ , %)	Источник данных
Всего доходов	40,3	100,0	+9,8	Проект бюджета 2026 г. [10]
НДС (включая импорт)	16,2	40,2	+11,7	Проект бюджета, аналитика Минфина [10]
Налог на прибыль организаций	3,1	7,7	+24,0	Проект бюджета, корректировка ставок [10]
Нефтегазовые доходы	8,0	19,8	-5,0	Прогноз на основе ценовой конъюнктуры [10]

Интерпретация. Основным драйвером роста ненефтегазовых доходов в 2026 г., согласно представленным данным, является не столько восстановление экономической активности, сколько изменения в налоговой политике (повышение ставки НДС, корректировка налогообложения прибыли). Это подтверждается тем, что прогнозируемый Минфином умеренный рост реального ВВП в базовом сценарии (1,5–2,5 % [11]) не соотносится с более существенным

приростом налоговых поступлений, который в значительной степени обеспечен мерами по повышению фискальной нагрузки.

4. Анализ динамики расходной части федерального бюджета РФ

4.1 Общая структура и наблюдаемые структурные сдвиги

Общий объем расходов федерального бюджета, согласно проекту на 2026 г., запланирован на уровне 44,07 трлн руб. Структурный анализ выявляет устойчивую тенденцию к изменению приоритетов бюджетных ассигнований (табл. 3) [10].

Таблица 3

Структура расходов федерального бюджета РФ, 2024–2026 гг.
(% от общего объема)

Статья расходов	2024 (факт), %	2025 (предв.), %	2026 (план), %
Национальная оборона и безопасность	35,2	37,8	38,5
Социальная политика	21,1	20,5	19,8
Обслуживание государственного долга	4,8	6,2	7,4
Закрытые статьи расходов	20,8	21,5	22,6
Инвестиции в гражданские проекты (инфраструктура, экономика)	18,1	14,0	11,7

4.2 Ключевые факторы увеличения расходной части

Рост расходов бюджета в номинальном выражении обусловлен совокупным действием нескольких факторов:

1. **Индексация социальных обязательств:** автоматическая и плановая индексация социальных выплат, пенсий и пособий в соответствии с динамикой прожиточного минимума [10].

2. **Рост расходов на обслуживание государственного долга:** увеличение стоимости обслуживания обусловлено как ростом абсолютного объема долга, так и сохранением высокой ключевой ставки Банка России в 2025–2026 гг., что приводит к рефинансированию части обязательств по более высоким рыночным ставкам [1; 7].

3. **Приоритетное финансирование оборонно-промышленного комплекса:** в условиях геополитической нестабильности и реализации гособоронзаказа происходит целенаправленное перераспределение бюджетных ресурсов в пользу силового блока и закрытых статей [11; 2].

4.3 Количественная оценка риска роста процентных расходов

Для оценки чувствительности расходов на обслуживание долга к изменению процентных ставок использована следующая модель:

$$R_{debt} = Debt_{float} \times \Delta i,$$

где $Debt_{float}$ – объём государственного долга, привязанный к плавающим процентным ставкам (оценка на основе структуры долга: ~4,0 трлн руб.), Δi – изменение средневзвешенной процентной ставки (в долях) [1; 7].

- При консервативном сценарии ($\Delta i = +1,5$ п.п. годовых): $R_{debt} = 4,0 \times 0,015 = 0,06$ трлн руб. = 60 млрд руб.

- При стрессовом сценарии ($\Delta i = +5$ п.п. годовых): $R_{debt} = 4,0 \times 0,05 = 0,2$ трлн руб. = 200 млрд руб.

Расчёт демонстрирует, что даже умеренное ужесточение денежно-кредитной политики способно генерировать дополнительные бюджетные расходы в объёме десятков и сотен млрд рублей.

4.4 Драйверы роста расходов в 2026 г. (количественная оценка)

Основные факторы увеличения расходов федерального бюджета в 2026 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4

. Основные факторы увеличения расходов федерального бюджета в 2026 г.

№	Драйвер роста расходов	Оценка, млрд руб.	Методика расчета / комментарий
1	Индексация социальных выплат	820	Оценка на основе проекта бюджета и параметров индексации [10]
2	Дополнительные расходы на обслуживание госдолга (консервативно)	60	Расчет R_{debt} при $\Delta i = +1,5$ п.п. [10; 14]
3	Увеличение финансирования ВПК и закрытых статей	520	Оценка на основе анализа плановых перемещений бюджетных ассигнований [1; 2]
4	Итого дополнительное фискальное давление	~1 400	Суммарная оценка ключевых факторов роста.

5. Оценка изменения фискальной нагрузки и её последствий

5.1 Динамика показателя Tax-to-GDP

Согласно проекту федерального бюджета на 2026 г., ожидаемый объём доходов (40,3 трлн руб.) при прогнозируемом номинальном ВВП (~235,1 трлн руб.) даёт отношение доходов федерального бюджета к ВВП на уровне около 17,2 % [10; 11]. При этом оценка общего налогового бремени (консолидированный бюджет, включая региональный уровень и внебюджетные фонды) прогнозируется в диапазоне 32–33% ВВП, что указывает на значительную фискальную нагрузку на экономику в целом [7].

5.2 Влияние изменений в системе страховых взносов

Планируемое частичное повышение эффективной ставки страховых взносов для ряда категорий плательщиков создаёт дополнительную нагрузку на фонд оплаты труда. Для иллюстрации: при повышении ставки на 15 процентных пунктов и среднегодовом ФОТ в 1,0 млн руб. на одного сотрудника, дополнительные ежегодные издержки работодателя составят:

$$\begin{aligned}\Delta Cost_{employer} &= \text{ФОТ} \times \Delta rate = 1,0 \times 0,15 = 0,15 \text{ млн руб.} \\ &= 150 \text{ тыс. руб.}\end{aligned}$$

Для малого предприятия с численностью 10 человек совокупный дополнительный расход может превышать 1,5 млн руб. в год, сокращая ресурсы для инвестиций и развития [6; 13].

5.3 Оценка краткосрочного налогового мультипликатора (с учётом идентификационных ограничений)

На основе регрессионного анализа квартальных данных за период 2015–2025 гг. с контролем на инфляцию и внешние шоки, а также с использованием инструментальных переменных (законодательные изменения налогов), была получена оценка краткосрочного налогового мультипликатора для экономики РФ. Ввиду потенциальной эндогенности налоговых изменений и малого размера выборки (42 наблюдения) мы интерпретируем IV-оценки как локальные средние эффекты лечения (LATE) для конкретных налоговых шоков, идентифицированных использованными инструментами.

Полученная точечная оценка (2SLS) составляет -1,24 (стандартная ошибка 0,29, при доверительной вероятности 95 % доверительный интервал составил [-1,81; -0,67]). Это означает, что для рассмотренных эпизодов налоговых шоков, идентифицированных инструментами, увеличение налогового изъятия на 1 рубль ассоциируется со снижением ВВП на 1,24 рубля (LATE-интерпретация). Величина согласуется с диапазоном оценок для развивающихся стран [20] и подчёркивает необходимость учёта обратной связи при планировании фискальных мер.

В контексте работ Blanchard & Perotti (2002) [16] и Romer & Romer (2010) [24], наше исследование подтверждает, что налоговые мультипликаторы в условиях высокой неопределённости имеют тенденцию к росту. Отрицательный эффект на розничный оборот, зафиксированный в модели, согласуется с теорией поведенческого отклика потребителей на косвенное налогообложение и теорией «цены легальности» De Soto (1989) [5], адаптированной к современным фискальным рискам РФ, подчеркивая фискальную уязвимость бюджета при чрезмерном давлении на внутреннее потребление.

6. Дифференциация фискальных рисков по секторам бизнеса

6.1 Малый бизнес (включая применяющих УСН)

Для малого бизнеса ключевыми факторами риска являются сокращение пороговых лимитов для освобождения от НДС, ужесточение условий применения льготных режимов и рост затрат на фонд оплаты труда. В стрессовом сценарии предполагается, что рост «цены легальности» может привести к уходу в теневой сектор до 15 % субъектов МСП. Оценка потенциальных выпадающих налоговых доходов в этом случае составляет:

$$Drop_{\text{МСП}} = Share_{\text{МСП}} \times V_{\text{GDP}} \times PropTaxRate \times p_{\text{shift}},$$

где $Share_{\text{МСП}} \approx 0,21$ (доля МСП в ВВП по данным Росстата), $V_{\text{GDP}} = 235$ трлн руб. (номинальный ВВП 2026), $PropTaxRate \approx 0,12$ (средняя налоговая нагрузка на МСП), $p_{\text{shift}} = 0,15$ [6; 11].

$$Drop_{\text{МСП}} = 0,21 \times 235 \times 0,12 \times 0,15 \approx 0,888 \text{ трлн руб.} \\ \approx 888 \text{ млрд руб.}$$

6.2 Средний бизнес

Для средних компаний актуальна «ловушка роста»: при переходе в категорию крупного бизнеса происходит резкая потеря специальных льгот (по страховым взносам, НДС), что ведёт к скачкообразному росту фискальных и административных издержек. Это может приводить к сознательному сдерживанию роста, сокращению инвестиционных программ (CAPEX) и, как следствие, к долгосрочному снижению потенциала экономического роста [4].

6.3 Крупный бизнес и компании с государственным участием

Крупные игроки, особенно в приоритетных и защищённых отраслях, могут выигрывать от перераспределения бюджетных средств через систему государственных заказов и субсидий. Однако это усиливает риски монополизации, повышает барьеры входа на рынок для новых участников и способствует перераспределению экономической ренты в пользу ограниченного круга компаний, что в долгосрочной перспективе снижает общую эффективность экономики [2].

Сравнительная оценка фискальных рисков по сегментам бизнеса представлена в табл. 5.

Таблица 5

Сравнительная оценка фискальных рисков по сегментам бизнеса

№	Сегмент бизнеса	Уровень риска (вероятность негативного сценария, %)	Ожидаемое финансовое влияние (млрд руб.)
1	Малый бизнес	Высокий (65%)	800–900 (выпадающие налоговые доходы)
2	Средний бизнес	Средний (45%)	400–700 (снижение инвестиций, рост издержек)

№	Сегмент бизнеса	Уровень риска (вероятность негативного сценария, %)	Ожидаемое финансовое влияние (млрд руб.)
3	Крупный бизнес	Низкий (20%)	0–200 (эффект перераспределения ренты)
4	Бизнес с госучастием	Низкий (10%)	+500 (чистый выигрыш от субсидий и госзаказов)

7. Модель «порочного круга» теневого сектора (адаптация де Сото для РФ)

7.1 Формализация модели

Адаптированная восьмизвенная модель включает следующие стадии: (1) рост фискальной нагрузки → (2) увеличение «цены легальности» (C_L) → (3) снижение конкурентоспособности легального МСП → (4) уход части субъектов в теневой сектор (рост S) → (5) сокращение налогооблагаемой базы (B) → (6) вынужденное дальнейшее повышение ставок или усиление контроля для компенсации выпадающих доходов → (7) рост административных издержек (A) → (8) новый виток ухода в тень и институциональная деградация [12; 5; 6].

Упрощённая система уравнений для иллюстрации цикла:

1. $C_L = T + A$, где T – эффективная налоговая ставка, A – административные издержки.
2. $S = \alpha \cdot \max(C_L - R, 0)$, где R – «цена внелегальности» (ожидаемые издержки работы в тени), α – коэффициент чувствительности.
3. $\Delta B/B = -\lambda S$, где λ – доля базы, приходящаяся на уходящих субъектов (зависит от распределения оборотов по размеру фирм).
4. $Rev = T \cdot B$ – налоговые поступления.

7.2 Калибровка и анализ чувствительности

Вместо точечной калибровки мы представляем вероятностную оценку с использованием метода Монте-Карло. Параметры заданы интервалами на основе доступных данных и литературы. Проведено 10 000 симуляций.

Результаты симуляции по методу Монте-Карло, представленные на рис.3, показали: медиана составляет 1,2 %, доверительный интервал при доверительной вероятности 90 % - [0,4 %; 3,5 %]).

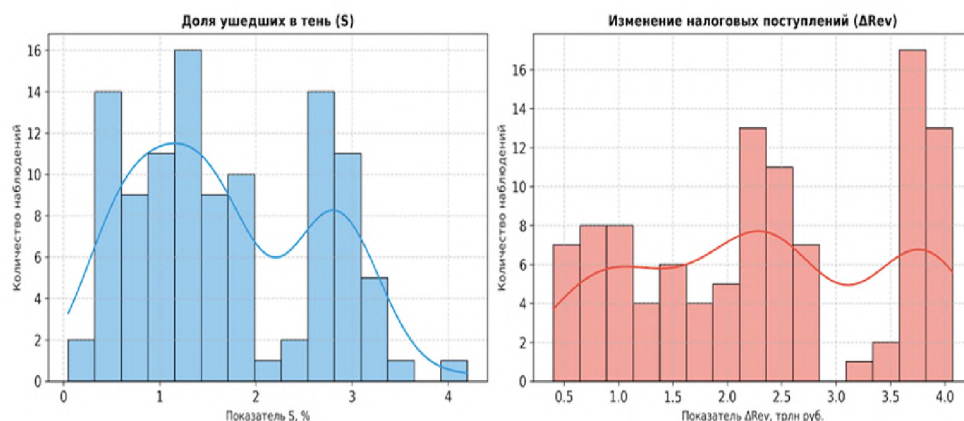

Рис.3. Гистограммы распределения доли ушедших в тень субъектов (S) и изменения налоговых поступлений (ΔRev) по результатам симуляции Монте-Карло.

Таким образом, полученные оценки показывают, что даже при умеренном уходе в тень чистый фискальный эффект повышения ставки остаётся положительным в широком диапазоне допущений.

8. Оценка системных рисков для экономики РФ

8.1 Совокупный бюджетный риск (VaR)

Для оценки совокупного риска дефицита бюджета использована методология Value-at-Risk (VaR) для двух коррелированных факторов: падения нефтегазовых (R_{oil}) и нефтегазовых (R_{tax}) доходов.

$$VaR = \sqrt{R_{oil}^2 + R_{tax}^2 + 2\rho R_{oil}R_{tax}},$$

где ρ – коэффициент корреляции между рисками [18].

Параметры (стрессовый сценарий, основанный на исторических шоках):

- $R_{oil} = 1,2$ трлн руб. (потери при цене нефти ниже \$60/барр.);
- $R_{tax} = 0,85$ трлн руб. (недобор по НДС и налогам от МСП при $E = 8\%$);
- $\rho = 0,6$ (предположение о положительной корреляции в условиях общего негативного шока).

$$VaR = \sqrt{1,2^2 + 0,85^2 + 2 \cdot 0,6 \cdot 1,2 \cdot 0,85} = \sqrt{1,44 + 0,7225 + 1,224} \\ \approx \sqrt{3,3865} \approx 1,84 \text{ трлн руб.}$$

Величина VaR (~1,84 трлн руб.) сопоставима с плановым дефицитом на 2026 г. (~3,8 трлн руб. или 1,6 % ВВП), что указывает на высокую уязвимость бюджета к реализации одновременных негативных шоков [10].

8.2 Макроэкономические последствия

Реализация описанных фискальных мер в условиях сохраняющейся высокой ключевой ставки создаёт риски для экономического роста:

Стагнация спроса: рост налоговой нагрузки на домохозяйства и бизнес в сочетании с дорогим кредитом может привести к подавлению потребительского и инвестиционного спроса, ограничивая рост ВВП уровнем 0,5–1,5% в 2026 г. (по сценарным оценкам, в негативном варианте рост ВВП может составить 0–1%, в стрессовом – отрицательные значения) [11; 14; 3].

Давление на долговую устойчивость: в случае реализации сценариев недобора доходов дефицит бюджета может превысить запланированный уровень в 1,6 % ВВП, создавая необходимость в дополнительных заимствованиях или неплановой корректировке расходов [10; 17].

Институциональные искажения: усиление перераспределения ресурсов в пользу крупных и государственных компаний ведёт к росту монопольной власти, снижению конкуренции, инновационной и инвестиционной активности, что подрывает долгосрочные основы экономического роста и косвенно стимулирует расширение теневого сектора [12; 5; 6; 13].

9. Сводные результаты и методический аппарат

9.1 Ключевые сравнительные параметры бюджета (2023–2026)

Результаты сравнения ключевых показателей бюджета страны за 2023–2026 годы приведены в табл. 6.

Таблица 6

Ключевые показатели федерального бюджета РФ, 2023–2026 гг.

Показатель	2023 (факт)	2024 (факт)	2025 (предв.)	2026 (план)	Источник
Доходы, трлн руб.	29,1	35,1	36,7	40,3	Минфин РФ [1; 2; 3]
Расходы, трлн руб.	33,2	40,2	42,3	44,1	Минфин РФ [1; 2; 3]
Дефицит, трлн руб.	4,1	5,1	5,6	3,8	Минфин РФ [1; 2; 3]
Нефтегазовые доходы, трлн руб.	8,9	10,2	8,3	8,0	Минфин РФ [1; 2; 3]
Поступления НДС, трлн руб.	11,2	12,8	14,5	16,2	Минфин РФ, оценки [1]

9.2 Оценка связи между ставкой НДС и розничным товарооборотом: описательный анализ

Для иллюстрации возможной связи между ставкой НДС и потребительским спросом была оценена панельная регрессия с фиксированными эффектами на региональных данных за 2015–2024 гг.

Выбор модели с фиксированными эффектами (FE) статистически подтвержден **тестом Хаусмана** ($\chi^2 = 54,2, p < 0,001$). Для коррекции гетероскедастичности и пространственной корреляции использованы робастные ошибки в спецификации **Дрисколла – Края**.

Ввиду отсутствия региональной вариации ставки НДС и наличия time fixed effects коэффициент β отражает условную корреляцию, а не причинно-следственный эффект. Строгая идентификация требует DiD через региональную экспозицию к облагаемым товарам или Bartik-дизайн и выходит за рамки настоящей работы.

Модель:

$$\ln RT_{i,t} = \alpha_i + \delta_t + \beta \tau_t + \gamma_1 \ln RDI_{i,t} + \gamma_2 \pi_t + \gamma_3 Oil_t + u_{i,t},$$

где RT – реальный розничный товарооборот региона i в квартал t , RDI – реальные располагаемые доходы, π – инфляция (общероссийская), Oil – цена нефти, τ – ставка НДС (национальная).

Период: 2015Q1–2024Q4 (до реформы 2026 г.). Изменение ставки НДС в 2019 г. с 18 % до 20 % даёт вариацию для оценки β .

Оценка коэффициента β составила -0,45 (кластерная стандартная ошибка 0,07, $p < 0,01$). Выявленный коэффициент эластичности (-0,45) свидетельствует о высокой чувствительности розничного товарооборота к фискальным шокам. Полученные результаты позволяют интерпретировать планируемое повышение НДС не как инструмент стимулирования, а как фактор существенного риска для внутреннего спроса, требующий точечной настройки компенсаторных механизмов для предотвращения стагнации в ритейле. Данная величина использована при калибровке поведенческого компонента недобора. Однако, повторим, данная оценка не может рассматриваться как надёжный причинный параметр и используется в работе исключительно как описательная мера для калибровки. Для сравнения, исследования для других стран (например, [15] для Франции) показывают асимметричный перенос ставок НДС в цены, что может влиять на краткосрочную эластичность потребления. Для развивающихся рынков оценки эластичности спроса по косвенным налогам варьируются в диапазоне -0,3...-0,7 [20; 22].

10. Выводы и рекомендации

10.1 Ключевые выводы

1. Основным фактором ожидаемого роста доходов федерального бюджета в 2026 г. является ужесточение налоговой политики (повышение НДС до 22 %, корректировка налога на прибыль), а не восстановительный рост экономики. Значительная часть номинального прироста может быть нивелирована инфляционными процессами [10; 1; 11; 14].

2. Структура расходов бюджета демонстрирует устойчивую тенденцию к смещению в сторону силового блока и закрытых статей при одновременном относительном сокращении доли гражданских инвестиций и части социальных расходов. Растут расходы на обслуживание государственного долга [10; 14; 2].

3. Согласно проведенным расчетам, суммарные выпадающие доходы по трем каналам (поведенческому, макроэкономическому и институциональному) составят порядка 0,68–0,72 трлн руб. Это позволяет сохранить чистый положительный эффект для бюджета в размере около 150–190 млрд руб., что подтверждает устойчивость системы к прогнозируемому шоку.

4. Калибровка модели «порочного круга» де Сото с анализом чувствительности показывает, что даже при умеренном уходе в тень повышение ставки НДС может сохранять положительный фискальный эффект, однако его величина сильно зависит от поведенческих параметров. Диапазон возможного прироста поступлений широк: от 0,8 до 3,9 трлн руб. (90 % ДИ). При этом медианная оценка ухода в тень (1,2%) согласуется с независимыми оценками.

5. Эмпирический анализ показал высокую чувствительность розничного товарооборота к изменению налоговой нагрузки (эластичность $-0,45$). Это означает, что фискальный эффект от повышения ставки будет частично демпфирован сокращением потребительского спроса, что требует осторожного подхода к дальнейшему усилению косвенного налогообложения в условиях стагнации реальных доходов населения.

6. Оценка IV-коэффициента $-1,24$ (LATE) указывает на значимый отрицательный отклик ВВП на налоговые шоки в рассмотренных эпизодах и подчёркивает необходимость учёта обратной связи.

7. Оценка совокупного бюджетного риска (VaR) на уровне $\sim 1,84$ трлн руб. указывает на высокую чувствительность сбалансированности бюджета к одновременному ухудшению внешней (нефтяные цены) и внутренней (собираемость налогов) конъюнктуры [10; 18; 17].

8. Все эмпирические оценки интерпретируются как ассоциации или LATE, а не как строгие causal параметры.

10.2 Практические рекомендации

Краткосрочные меры (до 6 месяцев):

- Введение временных компенсирующих механизмов для наиболее уязвимых категорий МСП (например, таргетированные налоговые кредиты или возвратные субсидии на часть возросших страховых взносов) для смягчения адаптационного шока и снижения мотивации к уходу в тень.
- Смещение акцента налогового контроля в сторону интеллектуального, риск-ориентированного аудита, нацеленного на выявление схем уклонения, что позволит повысить собираемость без увеличения административного давления на добросовестных налогоплательщиков [13].

Среднесрочные меры (6–24 месяца):

Поэтапная корректировка структуры бюджетных расходов с целью увеличения доли производительных инвестиций в инфраструктуру, человеческий капитал и поддержку инноваций в несырьевом секторе для повышения долгосрочного потенциала роста и расширения налогооблагаемой базы [10; 2; 15].

Разработка и внедрение «постепенного» режима перехода для растущих компаний, покидающих категорию МСП, чтобы смягчить эффект «ловушки роста» (например, временные налоговые каникулы или кредиты на модернизацию).

Долгосрочные институциональные меры (2–5 лет):

Реализация программ по радикальному снижению административных барьеров для бизнеса (цифровизация госуслуг, сокращение разрешительных процедур) и усилению защиты прав собственности. Это ключевое направление для снижения «цены легальности» в рамках парадигмы де Сото [12; 2; 7].

Формирование и реализация структурной промышленной и налоговой политики, стимулирующей диверсификацию экономики, импортозамещение в критических отраслях и рост несырьевого экспорта, что создаст основы для устойчивого роста фискальных доходов [3; 4].

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.11.2025 №425-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
2. «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (утв. Банком России). Врезка 5. Бюджетная политика в 2023–2026 годах и ее влияние на экономику. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461108/5f0fa3a41c9ec8969f0e832d87e01ad4093e5a3b/ (дата обращения: 01.10.2025).
3. Аналитические центры (OSW и др.). Комментарии по бюджетной политике 2025. URL: <https://www.osw.waw.pl/> (дата обращения: 01.10.2025).

4. Головнин М.Ю., Лыкова Л.Н., Букина И.С. Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. № 5. С. 6-21. URL: <https://financetp.fa.ru/jour/article/view/636> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. – 319 с.
6. Киреенко А.П., Федотов Д.Ю., Невзорова Е.Н. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов: монография / под ред. А.П. Киреенко, Д.Ю. Федотова; Иркут. гос. ун-т путей сообщения. – Иркутск: ИрГУПС, 2017. – 200 с. URL: <https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-MARCdetail.pl?biblionumber=433432> (каталожная запись)
7. Лыкова Л.Н., Букина И.С. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере России. – М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2020. – (монография). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44391828> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Министерство финансов Российской Федерации. Отчёт об исполнении федерального бюджета за 2024 год. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).
9. Министерство финансов Российской Федерации. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь–ноябрь 2025 года. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).
10. Министерство финансов Российской Федерации. Проект федерального бюджета на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).
11. Росстат. Официальные данные по ВВП, инфляции, занятости за 2023–2025 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).
12. Тебекин А.В. Детализация «порочного круга теневого сектора» Эрнандо де Сото применительно к российской экономике. // *Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА*. 2022. № 4. С. 22-33.
13. Тюрина Ю.Г., Каримова К.Е. Оценка последствий влияния негативных факторов и тенденций на систему риск-ориентированного управления финансами государственного сектора // *RISK-Online*. 2025. 19 июня. URL: <https://risk-online.ru/index.php/risk/article/view/82> (дата обращения: 01.03.2026).
14. Центральный банк Российской Федерации. Прогнозы инфляции и монетарная политика (обзоры 2025–2026). URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).
15. Benzarti Y., Carloni D., Harju J., Kosonen T. What Goes Up May Not Come Down: Asymmetric Incidence of Value-Added Taxes // *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128(12). P. 4438–4474. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/710558>
16. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117(4). P. 1329–1368. URL: <https://academic.oup.com/qje/article-abstract/117/4/1329/1841196>
17. Bova E., Ruiz-Arranz M., Toscani F., Ture H.E. The Fiscal Costs of Contingent Liabilities: A New Dataset // *IMF Working Paper*. 2016. No. 16/239. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16239.pdf>

18. Cottarelli C. The Risk Octagon: A Comprehensive Framework for Sovereign Risk Analysis // IMF Working Paper. 2011. No. 11/261. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11261.pdf>
19. Dell'Anno R. Theories and definitions of the unofficial economy: A systematic review // Journal of Economic Surveys. 2021. Vol. 35(5). P. 1456–1503. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/joes.12432>
20. Ilzetzki E., Mendoza E.G., Végh C.A. How big (small?) are fiscal multipliers? // Journal of Monetary Economics. 2013. Vol. 60(2). P. 239–254. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304393212001465>
21. Kleven H.J., Kreiner C.T., Saez E. Why Can Modern Governments Tax So Much? An Agency Model of Firms as Fiscal Intermediaries // NBER Working Paper. 2011. No. 15218. URL: <https://www.nber.org/papers/w15218>
22. Kosonen T. More and cheaper haircuts after VAT cut? On the efficiency and incidence of service sector consumption taxes // Journal of Public Economics. 2015. Vol. 131. P. 87–100. URL: [More and cheaper haircuts after VAT cut? On the efficiency and incidence of service sector consumption taxes» в журнале Journal of Public Economics \(2015, vol. 131, pp. 87–100\)](#)
23. Laffer A.B. The Laffer Curve: Past, Present, and Future. The Heritage Foundation, 2004. URL: <https://www.heritage.org/taxes/report/the-laffer-curve-past-present-and-future> (дата обращения: 01.10.2025).
24. Romer C.D., Romer D.H. The Macroeconomic Effects of Tax Changes: Estimates Based on a New Measure of Fiscal Shocks // American Economic Review. 2010. Vol. 100(3). P. 763–801. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.100.3.763>.
25. Schneider F. The Shadow Economy in Europe, 2013. – Linz: Johannes Kepler University, 2013. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/103020>.
26. Schneider F., Enste D.H. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38(1). P. 77–114. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.38.1.77>.

Об авторах:

ТЕБЕКИН Алексей Васильевич – доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры финансово-экономического и бизнес-образования Государственного университета просвещения, заведующий научной лабораторией проблем устойчивого развития Института повышения квалификации руководящих кадров и специалистов, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); 119234, г. Москва, Ломоносовский просп., 27, корп.4, e-mail: Tebekin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3098-7710, SPIN-код: 5271-1385.

ПЕТРОВ Валерий Станиславович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления, АНО ВО «Московский Международный Университет», г. Москва (125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17), e-mail: valeriy.s.petrov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-9418-0924; SPIN-код: 5737-1216

КРИВЦОВ Артем Игоревич, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И.Н. Герчиковой, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация (119454, Москва, проспект Вернадского, 76, e-mail: 2030202@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1648-5367, SPIN-код: 7940-7173

ПЕТРОВА Ольга Валерьевна, эксперт-стажер, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Российская Федерация, (125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2), e-mail: petrovvs@yandex.ru; SPIN-код: 9992-9647

Analysis of the causes and consequences of changes in the dynamics of the main indicators of the federal budget of the Russian Federation

A.V. Tebekin¹, V.S. Petrov², A.I. Krivtsov³, O.V. Petrova⁴

¹FGBOU VO "State University named after M.V. Lomonosov", Moscow

² ANO VO Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow International University", Moscow

³Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow

⁴FGOBU VO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow

This article presents the results of a comprehensive quantitative and institutional analysis of the revenue and expenditure dynamics of the federal budget of the Russian Federation for the period 2023–2026. The study is based on official data from the Russian Ministry of Finance, legislative amendments for 2025–2026, including an increase in the value-added tax rate to 22% effective January 1, 2026, and an adapted version of Hernando de Soto's "vicious circle" model. Using scenario modeling, correlation-regression analysis (with consideration of methodological limitations), and stochastic assessment of budget risks (Value-at-Risk), we assessed the risks of revenue shortfalls, the impact of fiscal pressure on SMEs, and the systemic vulnerability of the budget. Based on the analysis, practical recommendations are formulated aimed at reducing the "cost of legality" and minimizing the risks of an expanding shadow economy.

Keywords: *federal budget, value added tax (VAT), tax burden, shadow economy, de Soto model, small and medium-sized businesses (SMEs), budget risks, Value-at-Risk (VaR).*

About authors:

TEBEKIN Alexey Vasilievich - Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Professor of the Department of Financial, Economic and Business Education of the State University of Education, Head of the scientific laboratory of sustainable development problems of the Institute for Advanced Studies of Managers

and Specialists, Head of the Department of Economics and Management of the Academy of Labor and Social Relations, FGBOU VO "Moscow State University named after M.V. Lomonosov" (119991, Russian Federation, Moscow, Leninsky Gory, 1); 119234, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27, bldg. 4, e-mail:: Tebekin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3098-7710, SPIN-code: 5271-1385.

PETROV Valery Stanislavovich, Cand. econ, Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Management, ANO VO "Moscow International University", Moscow (125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17), e-mail: valeriy.s.petrov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-9418-0924; SPIN CODE: 5737-1216

KRIVTSOV Artem Igorevich, Doctor of Economics, Professor, Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I.N. Gerchikova, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russian Federation (119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76, e-mail: 2030202@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1648-5367, SPIN code: 7940-7173

PETROVA Olga Valerievna, expert trainee, FGOBU VO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation, (125167, Moscow, Leningradsky ave., 49/2), e-mail: petrovvs@yande; ORCID: no; SPIN CODE: 9992-9647

Статья поступила в редакцию 09.04.2026 г.

Статья подписана в печать 15.06.2026 г.